

Стихи о любви

Геннадий
Шпаликов

*Бывает всё
на свете хорошо*

Стихи о любви (АСТ)

Геннадий Шпаликов

Бывает всё на свете хорошо

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=рус)6-44

Шпаликов Г. Ф.

Бывает всё на свете хорошо / Г. Ф. Шпаликов — «Издательство АСТ», 2019 — (Стихи о любви (АСТ))

ISBN 978-5-17-1116340-2

При упоминании имени Геннадия Шпаликова (1937–1974) сразу вспоминаются строчки из песен на его стихи – «Под снегом я фиалку отыщу...», «Пароход белый-беленький...», «Людей теряют только раз...», «Прощай, Садовое кольцо...» Он был незаурядным, ярким, талантливым поэтом, писателем, блестящим сценаристом: кто не знает фильмы «Я шагаю по Москве», «Застава Ильича», «Я родом из детства», «Ты и я»! Он писал о любви, о встречах и расставаниях, об обычной жизни людей, о добрых чувствах, проникнутых счастьем, вдохновением, а порой и светлой печалью. И конечно, о себе, своем восприятии мира, в котором ему удалось пробыть всего 37 лет.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=рус)6-44

ISBN 978-5-17-1116340-2

© Шпаликов Г. Ф., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

«Ударил ты меня крылом...»	5
«Живу в скворешне Кулешова...»	6
Апрельский вечер	7
«Ах улицы, единственный приют...»	8
«Ах, утону я в Западной Двине!...»	9
Бессонница	10
Батум	11
«Бывают крылья у художников...»	12
«Бывает всё на свете хорошо...»	13
«В коммунальное помещение...»	14
«В лето хорошо бы без билета...»	15
«В темноте кто-то ломом колотит...»	16
«В январе уже тепло...»	17
Весна в Москве	18
Воспоминание о Ленинграде 65 года	19
Воспоминания об аэродроме	20
«Все лето плохая погода...»	21
«Все неслышней и все бестолковей...»	22
«Вчерашний день погас...»	23
«Далеко ли, близко...»	24
Геночка	25
Десять лет	26
Даше	27
До невозможного вкусные пирожки	28
«Друг мой, я очень и очень болен...»	29
Есть у раздражения самовыражение...	30
«Живет актриса в городе Москве...»	31
«Жила с сумасшедшим поэтом...»	33
За два дня до конца високосного года	34
«Зубы заговаривал...»	35
Квазимодо	36
Лают бешено собаки	37
«Лед, лед...»	38
«Летняя дорога...»	39
Лето	40
«Любите вы Листа, Моцарта, Сальери...»	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Геннадий Шпаликов

Бывает всё на свете хорошо

«Ударил ты меня крылом...»

А. Княжинскому

Ударил ты меня крылом,
Я не обижусь – поделом,
Я улыбнусь и промолчу,
Я обижаться не хочу.

А ты ушел, надел пальто,
Но только то пальто – не то.
В моем пальто под белый снег
Ушел хороший человек.

В окно смотрю, как он идет,
А под ногами – талый лед.
А он дойдет, не упадет,
А он такой – не пропадет.

«Живу в скворешне Кулешова...»

А. Хохловой

Живу в скворешне Кулешова,
Привет тебе, спокойно спи
И брата, возрастом меньшого,
Дождем ли, снегом окропи.

Октябрь 1973

Апрельский вечер

Зеленые от остроумия,
Веселостью изнемогая,
Шли двое.
Между ними – мумия,
Красивая и молодая.

10 апреля 1957

«Ах улицы, единственный приют...»

Ах улицы, единственный приют,
Не для бездомных —
Для живущих в городе.
Мне улицы покоя не дают,
Они мои товарищи и враги.

Мне кажется – не я по ним иду,
А подчиняюсь, двигаю ногами,
А улицы ведут меня, ведут
По заданной единожды программе.

Программе переулков дорогих,
Намерений веселых и благих.

Декабрь 1963

«Ах, утону я в Западной Двине!..»

Ах, утону я в Западной Двине!
Или погибну как-нибудь иначе.
Страна не пожалеет обо мне,
Но обо мне товарищи заплачут.

Они меня на кладбище снесут,
Простят долги и старые обиды.
Я отменяю воинский салют,
Не надо мне гражданской панихиды.

Не будет утром траурных газет,
Подписчики по мне не зарыдают,
Прости-прощай, Центральный Комитет,
Ах, гимна надо мною не сыграют.

Я никогда не ездил на слоне,
Имел в любви большие неудачи,
Страна не пожалеет обо мне,
Но обо мне товарищи заплачут.

Бессонница

Бессонница, бываешь ты рекой,
Болотом, озером и свыше наказаньем,
А иногда бываешь никакой,
Никем, ничем – без роду и названья.

Насмешливо за шиворот берешь,
Осудишь, в полночь одного посадишь,
Насмешливо весь мир перевернешь
И шпоры всадишь.

Бессонница... Ты девочка какая?
А может быть, ты рыба? Скажем, язь?
А может быть, ты девочка нагая,
Которая приходит не спросясь?

Она меня не слушала,
А только кашу кушала
И думала: прибрать бы, а может, постирать,
А может, вроде свадьбы чего-нибудь сыграть?

Чего-то, вроде, около, —
Кружилось в голове,
Оно болотом скокало,
То справа, то левей.

Я говорю: не уходи,
Ночь занимается.
Ночь впереди и позади,
Лежать и маяться.

А ей-то, господи, куда?
Мороз, пороша.
Беда с бессонницей, беда, —
Со мною тоже.

Батум

Работа нетяжелая,
И мне присуждено
Пить местное, дешевое
Грузинское вино.

Я пью его без устали,
Стакан на свет гляжу,
С матросами безусыми
По городу брожу.

С матросами безусыми
Брожу я до утра
За девочками с бусами
Из чешского стекла.

Матросам завтра вечером
К Босфору отплывать,
Они спешат, их четверо,
Я пятый – мне плевать.

Мне оставаться в городе,
Где море и базар,
Где девочки негордые
Выходят на бульвар.

«Бывают крылья у художников...»

Бывают крылья у художников,
Портных и железнодорожников,
Но лишь художники открыли,
Как прорастают эти крылья.

А прорастают они так —
Из ничего, из ниоткуда.
Нет объяснения у чуда,
И я на это – не мастак!

«Бывает всё на свете хорошо...»

Бывает всё на свете хорошо,
В чем дело, сразу не поймешь,
А просто летний дождь прошел,
Нормальный летний дождь.

Мелькнет в толпе знакомое лицо,
Веселые глаза,
А в них бежит Садовое кольцо,
А в них блестит Садовое кольцо,
И летняя гроза.

А я иду, шагаю по Москве,
И я пройти еще смогу
Соленый Тихий океан,
И тундру, и тайгу.

Над лодкой белый парус распушу,
Пока не знаю, с кем,
Но если я по дому загрущу,
Под снегом я фиалку отыщу
И вспомню о Москве.

«В коммунальное помещение...»

В коммунальное помещение,
Где засохли в банках цветы,
Ты пришла, как чудное видение
И как гений чистой красоты.

Потом ушла...
К чему рыданье!
К чему похвал ненужный хор!
Осталось прежнее страданье
И холостяцкий коридор.

1955

«В лето хорошо бы без билета....»

В лето хорошо бы без билета.
В лето? У него куда билет?
У него трава – одна примета,
Да еще река. Поклон, привет!

А река такая золотая,
А весной такой на свете дождь,
И по свету ветер пролетает,
И обратно ветер не вернешь.

И реке спасибо, и тебе спасибо,
И тебе спасибо, ветер над водой,
Ты такой веселый, ты такой красивый,
Ветер, ветер, ветер,
Ветер молодой.

«В темноте кто-то ломом колотит...»

В темноте кто-то ломом колотит
И лопатой стучится об лед,
И зима проступает во плоти,
И трамвай мимо рынка идет.

Безусловно все то, что условно.
Это утро твое, немота,
Слава богу, что жизнь многословна,
Так живи, не жалея живота.

Я тебя в этой жизни жалею,
Умоляю тебя, не грусти.
В тополя бы, в июнь бы, в аллею,
По которой брести да брести.

Мне б до лета рукой дотянуться,
А другою рукой – до тебя,
А потом в эту зиму вернуться,
Одному, ни о ком не скорбя.

Вот миную Даниловский рынок,
Захочу – возле рынка сойду,
Мимо крынок, корзин и картинок,
У девчонки в капустном ряду

Я спрошу помидор на закуску,
Пошагаю по снегу к пивной.
Это грустно, по-моему, вкусно,
Не мечтаю о жизни иной.

«В январе уже тепло...»

В январе уже тепло,
И пускай мороз, но солнце
Посылает божий стронций
На оконное стекло.

Прижимаюсь лбом к стеклу,
Рожей радуюсь теплу!

Весна в Москве

Мимозу продают у магазина,
Голуби в небе —
 не знаю чьи,
И радужно сияют
 от бензина
Лиловые
 московские
 ручьи.

Апрель 1956

Воспоминание о Ленинграде 65 года

Все трезво. На Охте.
И скатерть бела.
Но локти, но локти
Летят со стола.

Все трезво. На Стрелке.
И скатерть бела.
Тарелки, тарелки
Летят со стола.

Все трезво. На Мойке.
Там мост да канал.
Но тут уж покойник
Меня доконал.

Ах, Черная речка,
Конец февраля,
И песня, конечно,
Про некий рояль.

Еще была песня
Про тот пароход,
Который от Пресни,
От Саши плывет.

Я не приукрашу
Ничуть те года.
Еще бы Наташу
И Пашу – туда.

Воспоминания об аэродроме

1

На скамейке аэродрома, —
Я – дома.
Домодедово – тоже дом.
А чужие квартиры – лиры,
И скамейки – они квартиры,
Замечательные притом.

2

Я обожаю пропадать,
В дома чужие попадать,
С полужнакомыми сидеть,
В их лица праздные глядеть.

3

Скамейки бывают печальные,
Зеленые, снежные, спальные.

Скамейки бывают из кожи, —
Из кожи – они подороже.

Скамейки бывают из жести, —
Но тело и душу уместят.

4

В Домодедово – красиво,
Домодедову – спасибо.

1973

«Все лето плохая погода,...»

Все лето плохая погода,
звучит этот вальс с парохода
над пляжем, над шлюзом, над домом
и Тушинским аэродромом.

А в Тушине лето как лето,
и можно смотреть без билета,
как прыгают парашютисты —
воздушных парадов артисты.

То в поле они пропадают,
то в речку они попадают,
тогда появляется катер
с хорошим названием – «Приятель».

На катере ездят все лето
спасатели в желтых жилетах,
спасатели душ неразумных,
раздетых и даже разутых.

Татарово, я не ревную
ту лодку мою надувную,
то лето, ту осень, те годы,
те баржи и те пароходы.

Татарово, я не ревную
погоду твою проливную
и даже осенние пляжи,
любимые мною пейзажи.

«Все неслышней и все бестолковой...»

Все неслышней и все бестолковой
Дни мои потянулись теперь.
Успокойся, а я-то спокоен,
Не пристану к тебе, как репей.

Не по мне эта мертвая хватка,
Интересно, а что же по мне?
Что, московская ленинградка,
Посоветуешь поумней?

Забываю тебя, забываю,
Неохота тебя забывать,
И окно к тебе забиваю,
А не надо бы забивать.

Все давно происходит помимо,
Неужели и вправду тогда
Чередой ежедневных поминок
Оборачиваются года?

«Вчерашний день погас...»

Вчерашний день погас,
А нынешний не начат,
И утро, без прикрас,
Актрисою заплачет.

Без грима, нагишом
Приходит утром утро,
А далее – в мешок —
Забот, зевот... И мудро,

Что утро настает
И день не обозначен,
И ты небрит и мрачен.
Светлеет. День не начат,
Но он пешком идет.

«Далеко ли, близко...»

Далеко ли, близко
Прежние года,
Девичьи записки,
Снов белиберда.

Что-то мне не спится,
Одному в ночи —
Пьяных-то в столице!
Даром, москвичи.

Мысли торопливо
Мечутся вразброд:
Чьи-то очи... Ива...
Пьяненький народ.

Все перемешалось,
В голове туман...
Может, выпил малость?
Нет, совсем не пьян.

Темень впропалую,
Не видать ни зги.
Хочешь, поцелую —
Только помоги.

Помоги мне верный
Выбрать в ночи путь,
Доберусь, наверное,
Это как-нибудь.

Мысли торопливо
Сжал – не закричи!
Чьи-то очи... Ива...
Жуть в глухой ночи.

21 июля 1954

Геночка

Москва, июль печет в разгаре,
Жар, как рубашка, к зданиям прилип.
Я у фонтана, на Тверском бульваре
Сажу под жидковатой тенью лип.

Девчонки рядом с малышом крикливым,
Малыш ревет, затаскан по рукам,
А девочки довольны и счастливы
Столь благодатной ролью юных мам.

И, вытирая слезы с мокрой рожи,
Дают ему игрушки и мячи:
«Ну, Геночка, ну перестань, хороший,
Одну минутку, милый, помолчи».

Ты помолчи, девчонки будут рады,
Им не узнать, что, радостью залит,
Твой тезка на скамейке рядом
С тобою, мальчуган, сидит.

И пусть давным-давно он не ребенок,
Но так приятно, нечего скрывать,
Что хоть тебя устами тех девчонок
Сумели милым, Геночкой назвать...

1954

Десять лет

Загорелым, обветренным и босым
Выскочил он под дождь.
От современности – только трусы,
А так – африканский вождь.

Пренебрежительно глянул на нас,
Вытер ладонью нос
И пустился по лужам в дичайший пляс
С удовольствием и всерьез.

Даше

Глаза мои опухали,
Ресницы машут лопухами,
Одна ресница, как лопух,
Другая – веточкой еловой —
По девочке светлоголовой
Слезой падет на летний луг.

А людям – пожимать плечами,
С чего же так орать ночами,
Как морж или медведь,
С чего же все на свете путать,
Котенка под рубахой кутать,
Штанов, по сути, не иметь.

Жить обреченным явно на смех,
А между тем спокойно, насмерть,
Блевотиной освобождая,
Жить для себя.

Качайся в смехе, покачайся,
Но ты особо не печалься,
Сегодня – точно не помру.
Я комнату спокойно отопру,
Ботинки в сторону отброшу,
Чернил налью в твою галошу,
Рукою об руку потру.

Прощай, мое сокровище, —
Нелепые слова,
Но как от них укроешься —
Кружится голова.

И мартовская талость
Бросается и рвет.
Мне докружить осталось
Последний поворот.

До невозможного вкусные пирожки

Голод
пополам
режет,
Настроение
плачет...
И вдруг:
«Пирожки
свежие,
Свежие
и горячие,
Лучшие в мире...»
Лизнул слюну с губ —
«Берите
четыре
За руб».
Рассказывать об этом можно
И в стихах
и устно,
Пирожки до невозможного
Вкусные.

«Друг мой, я очень и очень болен...»

П. Финцу

Друг мой, я очень и очень болен,
Я-то знаю (и ты), откуда взялась эта боль!
Жизнь крахмальна, – поступим крамольно
И лекарством войдем в алкоголь!

В том-то дело! Не он в нас – целебно,
А, напротив, – в него мы, в него!
И нелепо ли бьаше! – а лепо,
Милый Паша, ты вроде Алеко

И уже не помню кого,
Кто свободен руками, ногами,
Кто прощается с Соловками!
А к тебе обращается узник,
Алексеевский равелин...

Есть у раздражения самовыражение...

Есть у раздражения
Самовыражение.
Дверью – хлоп,
И пулю – в лоб.
Ах, как всем досадил!
И лежит в гробу – костюм,
Новые ботинки,
Галстук на резинке.
Две вдовы
(Две жены)
К случаю наряжены.
Он лежит – уже ничей
В ожидании речей.
Караул! Караул!
Вот почетный караул.
Хорошо ему в почете,
Жалко, ноги протянул.
Говорю ему – привет,
Ты – туда, а я – в буфет.

«Живет актриса в городе Москве...»

Живет актриса в городе Москве...
Чего ж актриса суетится?
Актриса в зеркальце глядится,
Глаза хохлацкие – в тоске.

В глазах – хохлацкая тоска.
Давай, актриса, потоскуем —
Как жаль, что ты не потаскуха, —
Тебя бы проще приласкал.

Что стих! Ладонь на голове
Или на лбу разгоряченном, —
Но я не трогаю девчонок, —
Ни трезвым, ни осоловев.

Зима на улице, зима!
Декабрь в Москве – такое дело!
Слегка актриса обалдела
Вчера от талого дерьма.

Москву туманом унесло...
Все пасмурно. Куда деваться?
По вечерам Москве сдаваться?
Старо. Травой поросло.

Есть мудрость нераскрытых книг,
Столы за дружеской беседой,
И прелесть жизни их оседлой —
Другим рассказывай про них,

А мне рассказывай... о чем?
Рассказывай! О чем, актриса?
Во что идею облечем,
Чтоб смысл веселый не укрылся?

Тиха украинская ночь...
В реке не надобно топиться,
Тону! – а телу не помочь, —
До середины даже птица

Не долетит, а человек —
Куда до птицы человеку...

...Еще: вола светлеет веко,
Опущенное тяжело,

И мельницы едва крылами
Качают в сумерках степных,
И за чумацкими волами,
Волами, травами – колых...
Колых – влетит ночная птица...
«Колы разлюбишь...» – шепот тих...
И мельница крылом – колых...
И до туретчины катиться
По соляному шляху...
– Слых...
– Не слушаю...
– А ты послухай!
– Ну, не хочу! —
Тогда гляди
На ковшик Млечного Пути —
Повис, – серебряный, казацкий...
И начало уже казаться —
Звезда с звездой говорит
На языке, земле невнятном...
Чего нам завтра сотворит? —
Не говорит звезда, – горит...

«Жила с сумасшедшим поэтом...»

Жила с сумасшедшим поэтом,
Отпитым давно и отпетым.
И то никого не касалось,
Что девочке горем казалось.

О нежная та безнадежность,
Когда все так просто и сложно,
Когда за самой простотою —
Несчастья верста за верстою.

Несчастья? Какие несчастья,—
То было обычное счастье,
Но счастье и тем непривычно,
Что выглядит очень обычно.

И рвано, и полуголодно,
И солнечно или холодно,
Когда разрывалось на части
То самое славное счастье.

То самое славное время,
Когда мы не с теми — а с теми,
Когда по дороге потерей
Еще потеряться не верим.

А кто потерялся — им легче,
Они все далече, далече.

Январь 1974

За два дня до конца високосного года

1

За два дня до конца високосного года
Наступает на свете такая погода
И такая вокруг тишина,
За два дня до конца високосного года
Участь каждого решена.

2

Это мне говорили. Я видел
Серп луны. Синеву. Тишину.
Прорицатели – не в обиде,—
Я хочу полететь на Луну.
На чем во сне я не летал?
На «Блерио», «Фармане»,
И даже девочек катал
Я на катамаране.

И улыбаюсь я во сне,
Ору во сне, как рота,
И надо просыпаться мне,
А неохота.

«Зубы заговаривал...»

Зубы заговаривал,
А теперь – забыл
Я секреты варева,
Травы ворожбы.

Говорю: дорога
Лучше к январю,
Что глазами трогал,
То и повторю.

То, что губ касалось,
Тронула рука, —
Это не казалось,
А наверняка.

Говорю: во плоти
Вижу существо, —
А во мне колотит
Жизни волшебство.

Зубы заговаривать,
Чепуху молоть,
Чтоб дорожкой гаревой
Убегала плоть.

Чтобы возле рынка,
В сборище людском,
Плавать невидимкой
В небе городском.

1973

Квазимодо

О, Квазимодо, крик печали,
Собор, вечерний разговор,
Над ним сегодня раскачали
Не медный колокол – топор.

Ему готовят Эсмеральду,
Ему погибнуть суждено,
Он прост, как негр, как эсперанто,
Он прыгнет вечером в окно.

Он никому вокруг не нужен,
Он пуст, как в полночь Нотр-Дам,
Как лейтенант в «Прощай, оружие»,
Как Амстердам и Роттердам,

Когда кровавый герцог Альба
Те города опустошил
И на тюльпаны и на мальвы
Запрет голландцам наложил.

А Квазимодо, Квазимодо
Идет, минуя этажи.
Молчат готические своды,
Горят цветные витражи.

А на ветру сидят химеры,
Химерам виден далеко
Весь город Франса и Мольера,
Люмьера, Виктора Гюго.

И, посмотрев в окно на кучи
Зевак, собак, на голь и знать,
Гюго откладывает ручку,
Зевает и ложится спать.

Лают бешено собаки

(Песня из пьесы)

Лают бешено собаки
В затухающую даль,
Я пришел к вам в черном фраке,
Элегантный, как рояль.

Было холодно и мокро,
Жались тени по углам,
Проливали слезы стекла,
Как герои мелодрам.

Вы сидели на диване,
Походили на портрет.
Молча я сжимал в кармане
Леденящий пистолет.

Расположен книзу дулом
Сквозь карман он мог стрелять,
Я все думал, думал, думал —
Убивать, не убивать?

И от сырости осенней
Дрожи я сдержать не мог,
Вы упали на колени
У моих красивых ног.

Выстрел, дым, сверкнуло пламя,
Ничего уже не жаль.
Я лежал к дверям ногами —
Элегантный, как рояль.

1959

«Лед, лед...»

Лед, лед
Ладогой плывет.
Лед, лед
Ладогой плывет.
Все сомнения откинув,
Посреди большого дня
Сяду, сяду я на льдину —
Льдина вынесет меня!

Меня льдина выручает.
Я спрошу ее потом:
«Куда вынесет-причалит?
Под каким пройду мостом?»
Лед, лед
Ладогой плывет.
Лед, лед
Ладогой плывет.

«Милый, ты с какого года?
И с какого парохода?» —
Ни ответа, ни привета...
А на речке тает лед.
Лед, лед
Ладогой плывет...

«Летняя дорога...»

Василию Ливанову

Летняя дорога,
Летние кусты,
Отдохни немного,
Ты или не ты.

Погляди на облако
Или на траву, —
Остальное – побоку,
Вижу наяву:

Среди поля – дерево,
А на поле – ты.
Верю – неуверенно
В дело доброты.

Лето

Летали летние качели
На самом деле, —
Дитя орало в колыбели,
И летний день куда-то плыл.

И травы превращались в сено,
Не сразу, скажем, – постепенно, —
Все было, было постепенно,
Как постепенен летний день.

«Любите вы Листа, Моцарта, Сальери...»

Любите вы Листа, Моцарта, Сальери,
Лавки букинистов, летний кафетерий,

Споры о Шекспире и о Кальдероне
В городской квартире в Киевском районе.

Ах, Париж весенний! Как к тебе добраться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.